

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ФИЛОСОФИИ: НА ПУТИ К СЕМАНТИКЕ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК

А. С. Кляшторный

*аспирант кафедры онтологии и теории познания
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Как представляется, задача построения семантики пропозициональных установок – это задача, решением которой философия занималась и занимается ровно столько, сколько существует сама (пусть и само понятие пропозициональной установки возникло намного позже). Занимается просто по той причине, что одним из ее фундаментальных вопросов является вопрос о знании. А там, где возникает подобный вопрос, где пытаются выяснить отличие понятия знания от понятия мнения, понятия знания от понятия веры во что-либо, сразу же возникает и каким-то образом начинается задача построения семантики пропозициональных установок. Тем не менее, хотя философия пыталась решить данную задачу задолго до появления аналитической традиции философии, свои самые разработанные варианты решения она обрела именно в работах философов-аналитиков. Путь к рассмотрению этих вариантов, однако, с необходимостью лежит через краткий экскурс в тему предшествующего философского рассмотрения вопроса о знании, а также указания на условия возможности возникновения данных вариантов именно в рамках аналитической традиции философии.

Первая глава первой книги «Метафизики» Аристотеля, вероятно, высшей точки развития древнегреческого философского мышления и одной из величайших философских работ в истории, начинается со следующего предложения: «Все люди от природы стремятся к знанию»¹¹². Данный тезис он подкрепляет указанием на факт особой, сверх-утилитарной ценности всех наших чувственных восприятий, и особенно – зрительных восприятий. Согласно мнению Философа, этот факт связан с тем, что «чувство зрения в наибольшей мере содействует нашему познанию и обнаруживает много различий <в вещах>»¹¹³.

Не подлежит особому сомнению и то, что категория знания занимает важное место в философской системе учителя Аристотеля – Платона: «Поскольку мы все стремимся к счастью и, как оказалось, мы счастливы тогда, когда пользуемся вещами, причем пользуемся правильно, а правильность эту и благополучие дает нам знание <...>»¹¹⁴;

¹¹² Аристотель С. Метафизика М.: ЭКСМО, 2006. С. 5.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Платон. Евтидем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plat001/evtid.htm> (дата обращения: 15.05.2014).

«Но есть только две вещи, которые правильно руководят нами – истинное мнение: человек, обладающий тем и другим, руководствуется правильно <...>»¹¹⁵; «А ведь найти знания в самом себе – это и значит припомнить, не так ли?»¹¹⁶. По всей видимости, верным будет то соображение, что одним из главных отличий философских систем Платона и Аристотеля от систем ионийцев и элеатов является активное рассмотрение эпистемологической проблематики (что не отменяет, конечно же, предельно высокую значимость для Платона и Аристотеля проблематики онтологической).

Мыслители Средних веков также заняты обсуждением эпистемологической проблематики и категории знания в частности, однако, данное обсуждение, как правило, связано с вопросом соотношения знания и веры, вопросом об источнике знания. Следует отметить, что развитие этого обсуждения в значительной мере направляется правилами истолкования текстов источников-авторитетов (экзегетическими максимами, если можно так выразиться), что ставит под сомнение сам факт наличия какого-либо развития. «Мы знаем это и благодарим за это Тебя; наше знание, по сравнению с Твоим знанием, невежество»¹¹⁷ – обращенные к Богу слова Аврелия Августина, крупнейшего христианского теолога и философа, вероятно, могут служить хорошей иллюстрацией непреодолимой границы в средневековом философском (философско-теологическом) мышлении, имеющей возможность возникнуть при истолковании источника-авторитета в любой момент времени¹¹⁸.

Новое время, в свою очередь, характеризуется столь заметным поворотом в сторону изучения всего многообразия составляющих эпистемологической проблематики, что будет достаточным просто перечислить наиболее известных авторов философских систем данного периода, в которых решение вопроса о знании и познании занимает крайне важное место: Ф. Бэкон, Дж. Локк, Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, Дж. Беркли, Д. Юм. Крайне выдающимся результатом (если не самым выдающимся) философского осмысления эпистемологии в эпоху Нового времени является система критической

¹¹⁵ Платон. Менон // Платон. Сочинения. В 4-х т. Т. 1. СПб.: СПГУ; Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 419.

¹¹⁶ Там же. С. 401.

¹¹⁷ Августин А. Исповедь. М.: Ренессанс; СП ИВО – СиД, 1991. С. 285.

¹¹⁸ «Ни один авторитет не считался непогрешимым, ни одно разумное рассуждение не считалось неопровержимым; но когда Беренгарий [Турский] заявил, что авторитетность всякого отдельно взятого авторитета должна опираться на разум, его тезис [proposition] был отвергнут как чрезмерно самоуверенный, неблагочестивый и абсурдный. Таким образом, убедительность авторитета рассматривалась людьми того времени как попросту исходная посылка <...>». См. подробнее: Пирс Ч. С. Вопросы относительно некоторых способностей, приписываемых человеку // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 21.

философии И. Канта. И наиболее значимой частью данной системы, с точки зрения нашего исследования, является классическое определение знания, данное Кантом в «Критике чистого разума». Кант отделяет понятие знания от понятия мнения и понятия веры: «Мнение есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется верой. Наконец, и субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание»¹¹⁹.

XIX век в какой-то мере продолжает эпистемологическую «линию» Нового времени но, вносит определенные изменения. Как мне представляется, данные изменения связаны с возникновением первых попыток формального (условно-формального) рассмотрения эпистемологической проблематики (в противовес имевшему до того момента в философии место, условно-содержательному способу рассмотрения).

По всей видимости, не является особо спорным тот факт, что употребление модальных пропозиций вида «х знает, что *P*» и «х считает, что *P*» не вызывает особых проблем интерпретации в рамках естественно-языковой коммуникации. Тем не менее, первая же попытка дать ясный и четкий ответ на вопрос о том, что значит обладать знанием о чем-то, верить во что-либо, попытка дедуцировать все следствия исходных определений приводит к значительному числу проблем. И обращение к истории философии позволяет получить полноценное представление обо всем многообразии подобных проблем. Это многообразие, являющееся следствием условно-содержательного философского исследования модальных пропозиций знания и мнения, наталкивает на предположение о принципиальной ограниченности данного подхода к исследованию.

Условно-содержательный подход философского исследования, использующий исключительно естественный язык, не удовлетворяет таким требованиям, касающимся точности, ясности и строгости выражения и манипулирования информацией, принятие которых и служит условием возможности прояснения смысла и значения понятий, а также корректного дедуцирования всех следствий исходных определений.

Истоки изучения феноменов знания и мнения в формальном ключе можно обнаружить в ряде работ «отцов-основателей» аналитической традиции философии – Г. Фреге и Б. Рассела, в которых особое внимание авторами уделялось тщательному логическому анализу сложных (сложноподчиненных) предложений с придаточными. Например, в своей знаменитой и относительно ранней работе «О смысле и значении» Фреге, разбирая вопрос о абстрактных

¹¹⁹ Кант И. Критика чистого разума. М.: ЭКСМО, 2010. С. 610.

называющих придаточных предложениях, пишет: «Также как убеждение, уверенность или вера являются причиной некоего чувства. Они могут быть также причиной той убежденности, какая имеет место в процессе умозаключения. В предложении “Из того, что Земля шарообразна, Колумб заключил, что, отправившись на Запад, он сможет достичь Индии” в качестве значений частей этого предложения мы имеем две мысли: что Земля шарообразна и что Колумб, отплыв на запад, сможет достичь Индии. Здесь опять-таки важно только то, что Колумб был уверен как в одной, так и в другой мысли и что одно убеждение было причиной другого»¹²⁰. Таким образом, перефразируя пропозицию из примера Фреге, получаем: «На основании факта о шарообразности Земли, Колумб полагал, что отправившись на запад, сможет достичь Индии», т. е. пропозиция вида «*x* считает, что *P*».

Согласно мнению Б. Рассела (а также многих других авторов, принадлежащих к аналитической традиции философствования) отношения, имеющие место в пропозиции такого вида между «*x*» и «считает (полагает, знает и т. д.), что *P*» следует именовать пропозициональной установкой. Иные варианты именования пропозициональной установки – эпистемическая установка, познавательная установка. Особое внимание к пропозициональным установкам явилось следствием того факта, обнаруженного философами-аналитиками, согласно которому свою проблематичность обнаруживает связь между истинностным значением сложноподчиненного предложения и значением придаточного предложения – она не носит характер функциональной зависимости. Представители аналитической традиции обнаружили, что в некоторых случаях возможным оказывается изменить истинностное значение сложноподчиненного предложения в целом посредством замены значения придаточного на его эквивалент по значению. Классическим здесь может выступать следующий пример:

Рассмотрим следующую пропозицию:

«Рюрик не знал, что число всех правителей русских государственных образований из рода Рюриковичей больше, чем 1»

Данная пропозиция истинна. Произведем замену имени «число всех правителей русских государственных образований из рода Рюриковичей» на эквивалентное по значению имя «2000». В результате замены мы получаем следующее предложение:

«Рюрик не знал, что 2000 больше, чем 1»

Вероятно, нельзя в полной мере исключать ту возможность, согласно которой Рюрик действительно был не силен в счете, равно как

¹²⁰ Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 238.

и ту, что он и вовсе никогда не существовал (что делает нашу пропозицию ложной или бессмысленной), однако, учитывая, что данный пример может быть воспроизведен и с другими пропозициями, имеющими аналогичную логическую форму, эти возможности не представляются особо релевантными для нашего обсуждения. А посему, следует заключить, что данная пропозиция несомненно ложна.

Вышеописанная крайне странная ситуация при которой невозможной оказывается замена имен, тождественных по значению, получила в логической науке наименование парадокса неэкстенциональных контекстов (интенциональных контекстов). Хотя попытку разрешить данную проблему предпринимали многие исследователи – сам Фреге (идея о косвенном значении¹²¹), К. Льюис¹²², Р. Карнап (идея интенционального изоморфизма¹²³), точные и в полной мере удовлетворительные формальные условия тождественности смыслов имен установлены не были.

В качестве консервативного¹²⁴ и условно-негативного решения парадокса неэкстенциональных контекстов была принята позиция У. Куайна: «<...> модальные предложения, свойства (attribute terms) и суждения (proposition terms) вступают в конфликт с экстенциональной частью универсума. Следует помнить, что конфликт возникает только при квантификации внутри этих выражений, то есть тогда, когда они попадают в сферу действия квантора, а сами содержат квантифицируемую переменную. Пока модальные предложения и выражения свойств и суждений не содержат свободных вхождений квантифицируемых переменных, допускающих экстенциональные значения, никаких трудностей не возникает»¹²⁵. Таким образом, поскольку «контексты мнения являются референциально непрозрачными; следовательно, *prima facie* бессмысленным является квантифицировать в них»¹²⁶, то Куайн просто запрещает операцию замены имен, тождественных по значению, а также квантификацию в неэкстенциональных контекстах.

Очевидно, что принятие подобного куайновского «решения» знаменовало собой кризис в формальном исследовании модальных пропозиций вообще и эпистемических пропозиций в частности и посему, на некоторое время (40-е гг. XX в.) тема логического анализа пропозиций знания и мнения уходит с авансцены логической науки.

¹²¹ См.: Там же. С. 237–238.

¹²² См. подробнее: Lewis C. I. The Modes of Meaning // Philosophy and Phenomenological Research. 1943. Vol. 4. No. 2; Papers and Discussions on the First Inter-American Conference of Philosophy. P. 246.

¹²³ См.: Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 102–113.

¹²⁴ В значении: «сохраняющий некоторое существующее положение дел».

¹²⁵ Куайн У. О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1983. С. 105.

¹²⁶ Quine W.V. Quantifiers and Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53. No. 5. P. 182.

Однако, вскоре (50-е гг. XX в.) проблематика пропозициональных установок вновь заняла заметное место в исследовательской деятельности крупнейших логиков того времени. В частности, свой вариант пропозициональных эпистемических систем представил Х. фон Вригт¹²⁷. При этом, в силу того факта, что основной сферой его интересов были алетические и деонтические модальные системы, свои эпистемические пропозициональные системы он сконструировал по аналогии с ними. Следует также отметить, что фон Вригт рассматривал эпистемические установки в качестве особых видов логических модальностей, в противовес взгляду, согласно которому их интерпретируют в качестве особых бинарных отношений. Как отмечается в современной логической литературе, именно в работе фон Вригта впервые был дан намек на возможность применения семантики модальной логики к анализу эпистемических установок¹²⁸.

Тем не менее, в первую очередь, возможность подобного применения должна была быть подготовлена результатами соответствующих исследований по семантике модальной логики – дело в том, что достаточно долгое время системы модальной логики не имели удовлетворительной семантики. Критерием удовлетворительности в данном случае выступает способность такой семантики предоставить точный, ясный и интуитивно-непротиворечивый смысл (интерпретацию) модальностям необходимости (\Box) и возможности (\Diamond).

Известно, что первую попытку построения алетической модальной пропозициональной логической системы, а, следовательно, и попытку разработать семантику модальной логики, предпринял сам создатель логики как науки – Аристотель. Некоторые попытки определить случайное (возможное) и необходимое могут быть обнаружены в «Метафизике»: «Случайно (акцидентально) присущим называется то, что находится в вещи и может быть правильно сказано <про нее>, но <не принадлежит> ни по необходимости, ни в преобладающем большинстве случаев, как, например, если кто, роя яму для растения, нашел клад»¹²⁹; «<...> у случайного нет никакой определенной причины»¹³⁰. Куда более известное аристотелевское рассмотрение вопроса возможности и необходимости обнаруживается в трактате «Об истолковании», где Аристотель задается вопросом об истинностном статусе пропозиции «Завтра будет морское сражение», попутно делая замечания о том, что «<...> сущее, когда оно есть, необходимо есть; точно так же и не-сущее, когда его нет, необходимо не есть; однако не все сущее необходимо есть,

¹²⁷ См.: Wright G. H. von. An Essay in Modal Logic. North-Holland Pub Co, 1951. P. 29–35.

¹²⁸ См. подробнее: Бежанишвили М. Н. Логика модальностей знания и мнения. М.: КомКнига, 2007. С. 23.

¹²⁹ Аристотель С. Метафизика М.: ЭКСМО, 2006. С. 153.

¹³⁰ Там же. С. 154.

как и не все не-сущее необходимо не есть, ибо не одно и то же [сказать], что все сущее, когда оно есть, необходимо есть, или [сказать], что оно безусловно необходимо есть»¹³¹. В своих рассуждениях Аристотель, однако, так и не пришел к однозначной и достаточно полной интерпретации основных модальных понятий, что не позволило ему реализовать проект построения алетической пропозициональной системы. Удовлетворительная семантика была разработана лишь в 50–60-х гг. XX в. американским логиком и философом С. Крипке и получила название семантики возможных миров.

Как можно догадаться из названия, проект данной семантики в какой-то мере вдохновлен идеей «возможных миров», восходящей к Г. Лейбницу и предполагающей возможность помыслить помимо того мира, в котором мы находимся (действительного и лучшего мира), другие миры, в которых могут иметь место ситуации, отсутствующие в нашем и наоборот. По всей видимости, единственное условие, предъявляемое Лейбницем к данным альтернативными мирам – согласованность с истинами разума, лежащими в основании (или же отражающими объективный порядок) мироздания. Истины факта, в свою очередь, могут свободно варьироваться от мира к миру.

Что примечательно, первоначальное развитие идеи (понятия) лейбницевских возможных миров в направлении логических исследований принадлежит не Крипке, а, уже ранее упоминаемому, австрийскому логик и философу науки Р. Карнапу. В своей интерпретации он исходит из той онтологической структуры, что предлагает своему читателю Л. Витгенштейн буквально во втором тезисе своего «Логико-философского трактата»: «1.1. Мир – совокупность Фактов, но не Вещей»¹³². Развитие идеи возможных миров осуществляется Карнапом в рамках решения им проблемы формального определения процедуры экспликации – замены неточного понятия в результате логического анализа языка на его более точный эквивалент. Понятием, на прояснение которого направлено внимание автора в данном случае, является понятие истины. Прежнее, неточное понятие именуется им экспликандом, новое же, уточненное понятие – экспликатом старого. Карнап предлагает ввести так называемые L-термины («L-истинно» и т. д.), представляющие собой экспликаты обычных, не обладающих особой точностью понятий: «“L-истинно” мыслится как экспликат для того, что Лейбниц называл необходимо истинным, а Кант – аналитически истинным»¹³³.

¹³¹ Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 102.

¹³² Витгенштейн Л. *Tractatus logico-philosophicus* // Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 20.

¹³³ Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 38.

Введение L-термина осуществляется посредством понятий описания состояния и области. Карнап определяет понятие описания состояния следующим образом: «Класс предложений в S_1 [символическая языковая система], который содержит для каждого атомарного предложения или само это предложение, или его отрицание, но не то и другое вместе, и не содержит никаких других предложений, называется описанием состояния (state description) в S_1 , потому что оно, очевидно, дает полное описание возможного состояния универсума индивидов относительно всех свойств и отношений, выраженных предикатами этой системы»¹³⁴. Очевидно, что данное понятие описания состояния отсылает к идее Лейбница, что сам Карнап и признает, резюмируя: «Таким образом, описания состояния представляют возможные миры Лейбница или возможные положения вещей по Витгенштейну»¹³⁵. Понятие области некоторого предложения P_i , принадлежащего символической языковой системе S_1 , сводится им, в свою очередь, к классу всех описаний состояния, в которых данное предложение выполняется, т. е. является истинным при истинности всех предложений, входящих в эти описания состояния.

Тем не менее, несмотря на достаточную ясность и удобство карнаповской экспликации лейбницеанской идеи возможных миров, данная экспликация не смогла удовлетворить потребности логической науки в столь же ясных и интуитивно непротиворечивых формальных интерпретациях центральных модальных понятий – необходимости и возможности. Как уже упоминалось ранее, данные интерпретации, вкупе с полноценной экспликацией идеи возможных миров, впервые осуществил Сол Аарон Крипке. Сама идея семантики возможных миров может быть продемонстрирована на следующем примере:

Рассмотрим некоторого студента высшего учебного заведения А, находящегося у себя дома и активно трудящегося над завершением своей дипломной работы. Написание дипломной работы не представляется ему особо интересным занятием, а потому он довольно часто отвлекается на мысли о том, как хорошо он проведет время на ближайших выходных. Важную роль в вопросе того, насколько хорошо он проведет это время, играет то, хорошей ли будет погода на этих выходных и будет ли дождь (пропозиция r). Студент А не доверяет прогнозам метеорологов, а потому ему остается только гадать относительно того, какая погода будет на ближайших выходных и, следовательно, рассматривать в качестве возможных две ситуации (мира): в одной пропозиция r имеет место, а в другой – нет.

Поскольку в той ситуации, в которой находится студент (в исходном мире) ничто не противоречит возможности выпадения осадков на выходных, а равно и тому, что осадки не выпадут, мы

¹³⁴ Там же. С. 38.

¹³⁵ Там же. С. 38–39.

можем говорить о том, что в одном мире мы имеем ситуацию возможности истинности r (формально: $\Diamond r$), а в другом – возможности истинности не r (формально: $\Diamond \neg r$). Очевидным также является и то, что в том мире, в котором находится студент, другая пропозиция – p («Дождь или пойдет или не пойдет») – оказывается истинной как в исходном мире, так и во всех мыслимых из мира студента альтернативах. Студент в принципе не может помыслить такой мир, в котором бы данная пропозиция оказалась ложной. Следовательно, мы можем заключить необходимость p во всех возможных мирах (формально: $\Box p$).

После рассмотрения вводного примера следует определить модельную структуру семантики возможных миров Крипке для системы модальной логики T (структура Крипке, модель Крипке): она представляет собой кортеж $\langle M, I, R \rangle$, где:

M – непустое множество возможных миров m (состояний).

R – бинарное отношение, заданное на M , т. е. $R \subseteq M \times M$ (обладает свойством рефлексивности: каждый возможный мир достижим из себя: $\forall m R(m, m)$). Данное отношение именуется отношением достижимости или альтернативности.

$I(x, m) \in \{t, f\}$ – функция интерпретации, сопоставляющая паре, состоящей из пропозициональной переменной x и возможного мира из M ($m \in M$), истинностное значение из множества $\{t, f\}$. Равно как и в классической логике, возможные значения пропозициональных переменных ограничены значением «истина» и значением «ложь», однако, в данном случае имеет место релятивизация означивания переменных относительно возможных миров. В разных мирах существует возможность приписывать одной и той же переменной различные значения.

В рамках семантики Крипке модальность необходимости определяется следующим образом:

$$\Box A_m = t \Leftrightarrow \forall s R(m, s) \Rightarrow A_s = t$$

(Формула «необходимо, что A » в возможном мире m является истинной тогда и только тогда, когда во всяком возможном мире s , достижимом из m , формула A является истинной).

А модальность возможности следующим:

$$\Diamond A \equiv_{df} \neg \Box \neg A$$

(Формула вида «возможно, что A » является эквивалентной формуле вида «не является необходимым, что имеет место не A »).

Крипкеанский семантический подход позволил дать решение ранее упоминаемого парадокса неэкстенциональных контекстов. Условно-негативное, ограничивающее куайновское решение данного

парадокса, запрещающее производить квантификацию в модальных контекстах могло быть отвергнуто: в ситуации применения правила экзистенциального обобщения нам, если мы принимаем семантику возможных миров, совершенно не требуется давать однозначную интерпретацию пропозициональной переменной x .

Однако, хотя крипкеанский семантический подход и смог разрешить указанную проблему, он же привел и к возникновению новой значительной проблемы - проблемы (парадокса) логического всеведения. Содержательная формулировка данного парадокса сообщает нам, что принимая семантику возможных миров, мы вынуждены также принимать и идею того, что всякий человек (агент, обладающий некоторым знанием) всегда знает все следствия того знания, которым он обладает. Формально данный парадокс может быть представлен следующим образом:

$$\frac{A \rightarrow B}{\Box A \rightarrow \Box B}$$

Таким образом, мы оказываемся вынужденными принимать это, в высшей степени не соответствующее нашим представлениям о том, что значит знать о чем-либо, но, тем не менее, корректное логическое следствие нашей системы. Ведь, действительно, не кажется необходимым говорить о том, что из истинности пропозиции «Я знаю, что у меня в кармане банкнота номиналом в 10 фунтов стерлингов» следует истинности того, что я знаю о наличии у себя банкноты национальной валюты Великобритании (я вполне могу полагать, что фунты – национальная валюта Зимбабве). При этом, несомненно, если истинно, что у меня в кармане лежит десятифунтовая банкнота из этого следует, что истинным является то, что у меня есть при себе дензнак британской валюты.

Хотя данная проблема продолжает подвергаться обсуждению и в рамках исследований эпистемической логики, идущих в настоящее время¹³⁶, однако, оказывается возможным выделить два, как мне представляется, наиболее удовлетворительных решения проблемы логического всеведения в уже существующих логических системах. Такими решениями, представляющими собой определенную модификацию стандартной семантики возможных миров, выступают концепт невозможных возможных миров в системе эпистемической логики Я. Хинтикки и концепт частичных возможных миров в системе эпистемической логики М. Н. Бежанишвили.

Автор первого из предлагаемых для рассмотрения решения, известный финский аналитический философ и логик Я. Хинтикка откровенно признается в том ужасе, что вызывает у него проблема логического

¹³⁶ См., например: Rotolo A., Calardo E. God's Omniscience: A Formal Analysis in Normal and Non-normal Epistemic Logics // *Logic in Theology*; ed. by Bartosz Brozek, Adam Olszewski, Mateusz Hohol. Copernicus Center Press, 2012. P. 61–88.

всеведения: «<...> следует отдать себе отчет в том, насколько неприятными оказываются следствия этой проблемы для анализа пропозициональных установок, опирающегося на идею возможных миров. Эти следствия не просто неприятны, они ужасны. Все мы знаем и верим в большое количество таких вещей, о следствиях которых у нас нет ни малейшего представления. Евклид не знал всего, что можно знать в элементарной геометрии, и Максвелл не знал всего, что мог знать об электромагнетизме. Идеализация, содержащаяся в анализе знания с помощью возможных миров, не только кажется слишком сильной, но, по-видимому, делает бессмысленным сам этот анализ»¹³⁷.

Как полагает Хинтикка, причиной возникновения парадокса логического всеведения является то, что мы полагаем каждую эпистемическую альтернативу возможного мира *m* также и логически возможной. В действительности же, многие из тех альтернатив, что мы рассматриваем в качестве как эпистемически, так и логически возможных, являются неочевидным для нас образом логически противоречивыми, мнимыми альтернативами. Принятие же подобных мнимых альтернатив за реальные, в свою очередь связано с ограниченной концептуальностью и логического мышления, внушающей познающему агенту кажущиеся возможными миры: «Это означает принятие “невозможных возможных миров”, то есть миров, которые выглядят возможными и поэтому должны быть допущены в качестве эпистемических альтернатив, но которые тем не менее логически невозможны»¹³⁸.

Исходя из подобного видения проблемы, можно легко заключить и к тому решению, что из него следует: верной стратегией для логика будет считаться бдительное рассмотрение каждой альтернативы действительного мира на предмет ее внутренней логической противоречивости, т. е. запрет на приписывание всякой эпистемически возможной альтернативе мира также и статуса логически возможной альтернативы.

Для автора другого возможного решения проблемы логического всеведения исходным пунктом для построения своей эпистемической модальной системы является глубокая неудовлетворенность решением данной проблемы посредством введения концепта невозможных возможных миров. Бежанишвили полагает, что не следует превращать решение проблемы логического всеведения в такую цель, которая оправдывает применение любых логических средств: «Нельзя стремиться точно воспроизвести логический аппарат какого бы ни было эмпирически существующего индивида, нельзя строить логику исходя только из его индивидуальной

¹³⁷ Хинтикка Я. В защиту невозможных возможных миров // Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. Сборник избранных статей. М.: Прогресс, 1980. С. 230.

¹³⁸ Там же. С. 233.

способности проследивать цепи логических умозаключений, из присущей только ему логической проницательности»¹³⁹.

Таким образом, напрямую не обвиняя в этом Хинтикку, Бежанишвили, все же, выражает несогласие с таким подходом, который жертвует определенной необходимой идеализацией агента пропозициональной установки в пользу ориентации на воспроизведение границ его эпистемических способностей. При этом, при построении собственной эпистемической модальной системы, он готов принять практически все характеристики агента пропозиций знания и мнения, которые приписывает такому агенту Хинтикка, за исключением двух из них:

1) Как полагает Бежанишвили, из позиции Хинтикки следует, что агент может рассматривать какие-либо нетривиально противоречивые миры в качестве возможных, т. е. «знать противоречия». Подобная характеристика агента пропозициональной установки не устраивает автора: «<...> в отличие от “невозможных возможных миров”, лицо не может в принципе знать ни одного противоречия (которые ни в одном возможном мире не совместимы со всем тем, что агент может в нем знать)»¹⁴⁰.

2) Бежанишвили указывает, что в системе Хинтикки агент обладает свойством рефлексивности, т. е.:

$$\begin{aligned} K_a A &\rightarrow K_a K_a A \\ B_a A &\rightarrow B_a B_a A \end{aligned}$$

При этом, Хинтикка отвергает принципы, согласно которым, агент может быть осведомлен о том, что что-то не знает:

$$\begin{aligned} \neg K_a A &\rightarrow K_a \neg K_a A \\ \neg B_a A &\rightarrow B_a \neg B_a A \end{aligned}$$

Бежанишвили полагает, что отсутствие данной «сократической» характеристики у агента пропозициональной установки является: а) совершенно произвольным; б) в высшей степени контринтуитивным.

Обозначив те изменения, которые производятся им в списке характеристик агента пропозиций знания и мнения, Бежанишвили непосредственным образом приступает к изложению своего решения проблемы логического всеведения. В его представлении об агенте познавательной установки принципиально важным моментом является указание на ограниченность его познавательных возможностей, ограниченность тех выводов, которые он может произвести, теми фактическими посылками, о которых он осведомлен. Стандартный возможный мир (мир, в котором всякая атомарная формула является или истинной, или ложной, и не может

¹³⁹ Бежанишвили М. Н. Логика модальностей знания и мнения. М.: КомКнига, 2007. С. 33.

¹⁴⁰ Там же. С. 34.

быть истинной и ложной в данном мире одновременно), согласно Бежанишвили, «представляет положение дел в онтологическом смысле»¹⁴¹, что не соответствует авторской цели обнаружения тако-го его представления, которое бы включало в себя и возможность функционирования в нем агента с ограниченными эпистемическими возможностями, некоторым неслучайным образом «отобража-ло» существование именно такого агента в подобном мире.

Таким миром становится частичный или фрагментарный возмож-ный мир w , который мы можем получить выдвинув к нему только одно требование – требование того, чтобы в w любой атомарная формула не могла быть одновременно и истинной, и ложной. Соответственно, стандартный возможный мир, в противоположность частичному, полу-чает название тотального или полного возможного мира.

Исходя из данных понятий, Бежанишвили дает определения истинности и ложности для операторов знания и мнения: «Итак, мы бу-дем считать, что $K_a A$ или же $B_a A$ истинна в w , если A истинна и, следо-вательно, определена в каждом a -достижимом из w возможном мире u , среди которых могут также быть частичные миры. Соответственно, $K_a A$ или $B_a A$ ложна в w , если найдется a -достижимый из w воз-можный мир u , такой, что A ложна или неопределенна в u »¹⁴².

В завершении рассмотрения своей версии семантики возможных миров для пропозициональных установок знания и мнения, Бежа-нишвили указывает на два финальных преимущества своего решения. Во-первых, он вновь подчеркивает, что решение в духе построения частичных возможных миров не требует принятия нами таких неесте-ственных допущений, каких требует решение Хинтикки (в частности – совместимости знания агента с какими-либо противоречиями, пусть и скрытыми от его взора). Во-вторых, он указывает на возможность получения решения проблемы случайно истинных тождеств¹⁴³, возни-кающей в стандартной семантике возможных миров и на проверку ока-зывающейся еще одной версией проблемы логического всеведения¹⁴⁴.

Представленные решения крупнейшей проблемы построения и разработки семантики пропозициональных установок, как видит-ся, могут создать впечатление, что данная область исследований завершена и не представляет особого интереса. Однако, как мне пред-ставляется, это не так в силу, как минимум, двух причин: наличия критических замечаний даже в адрес выдвигаемых Хинтиккой и Бе-жанишвили решений проблемы логического всеведения; наличия

¹⁴¹ Там же. С. 37.

¹⁴² Там же. С. 38.

¹⁴³ О проблеме случайно истинных тождеств см. Крипке С. Тождество и необходи-мость // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (Про-блемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 340–376.

¹⁴⁴ Бежанишвили М. Н. Логика модальностей знания и мнения. М.: КомКнига, 2007. С. 40.

критических соображений в отношении интерпретации определений понятий возможности и необходимости. Позволю себе подробнее остановиться на некоторых соображениях критического толка в отношении интерпретации определения понятия возможности.

В стандартной версии семантики возможных миров по определению имеет место следующая эквивалентность:

$$\Diamond A \equiv_{df} \neg \Box \neg A$$

(Формула вида «возможно, что A » является эквивалентной формуле вида «не является необходимым, что имеет место не A »).

Однако, как мне кажется, данное определение оператора возможности раскрывает всего лишь один аспект смысла (или, возможно, прагматики) понятия возможности, в то время как возможно выделить две различные ситуации употребления данного понятия. С одной стороны, в первой ситуации употребления, эпистемическая пропозиция «агент a полагает, что возможно, что имеет место p » означает, что агент не имеет свидетельств в пользу необходимости обратного положения дел, т. е. реализации пропозиции не- p во всех возможных мирах. Очевидно, что если отсутствуют причины считать необходимой пропозицию «завтра дождь не пойдет», агент может посчитать обратную пропозицию — «завтра пойдет дождь» возможной. С другой стороны, возможна иная ситуация употребления понятия возможности: эпистемическая пропозиция «агент a полагает, что возможно, что имеет место p » является результатом того, что агент получил некоторое прямое свидетельство возможности того, что данное положение дел действительно является возможным в одной из миров. Например, в том случае, если агент слышал по радио прогноз погоды на завтрашний день, в которой было сообщено, что завтра крайне вероятен дождь, то он может заключить к возможности пропозиции о дожде завтра.

Как мне представляется, различие двух данных смыслов понятия возможности, или двух различных ситуаций его употребления, имеет связь с разделением, которое в рамках своих взглядов на логику развития философии науки высказывает К. Поппер. Поппер указывает, что с чисто логической точки зрения, опровержение одной из двух, конкурирующих в объяснении некоторого феномена, но в равной степени неудовлетворительных научных теорий еще не увеличивает вероятность истинности не опровергнутой. Данные теории равновероятно ложны и равновероятно истинны. Конечно, с чисто прагматической точки зрения, мы можем посчитать вторую теорию более привлекательной и выбрать ее, но это никак не может быть обосновано фактом ее большей достоверности. Основанием для возникновения возможности признать оставшуюся теорию более удовлетворительной с логической точки зрения может быть только явное свидетельство — т. е. продвижение в объяснении феномена.

Таким образом, мне представляется, что между высказанной мной выше точкой зрения в отношении двух смыслов или способов употребления понятия возможности, и основанием разделения теорий Поппером имеется некоторое сходство. Первый случай употребления понятия возможности и получения пропозиции мнения видится мне менее обоснованным, а потому такую возможность я бы предпочел назвать «слабой». Второй случай употребления понятия возможности, наоборот, кажется мне более обоснованным самим фактом получения свидетельства возможности. Данную, вторую возможность я бы предпочел назвать «сильной» возможностью.

Исходя из всего вышесказанного, полагаю верным будет заметить, что хотя задача построения семантики пропозициональных установок – одна из древнейших задач, решаемых философией (в качестве естественного следствия вопроса о том, что есть знание о чем-либо), именно в рамках аналитической традиции философии были получены наиболее содержательные варианты ее решения. Как мне видится, условием возможности для возникновения подобного характера решений выступает переход от условно-содержательного к условно-формальному подходу в рассмотрении эпистемологической проблематики, который и был ознаменован зарождением аналитической философской традиции.

Тем не менее, несмотря на все многообразие и содержательный характер полученных при разработке семантики пропозициональных установок результатов, нельзя говорить о том, что на данный момент времени исследование можно считать завершенным. Даже существующие решения могут вызывать и вызывают критические возражения, равно как и сами интерпретации определений базовых понятий – понятий возможности и необходимости. Посему верным будет заключить, что что на данный момент времени задача построения семантики пропозициональных установок остается актуальной задачей аналитической традиции философствования.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЕКТЫ НЕКЛАССИЧЕСКИХ ЛОГИК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

А. С. Перфильева

*студентка 4 курса направления «Философии» Департамента
философии Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

Множественность современного логического дискурса приводит к необходимости разрешения вопроса «Что есть логика?». Это в некотором смысле закономерная тенденция – поиск определения сущно-